

Цзян Руойин очень быстро завершил соответствующие процедуры и передал слип и ключ Вэнь Синю. "Это ключ от вашей комнаты. Храните его как следует - если вы его потеряете, вам придется заплатить за замену!".

Wen Xinya протянула руку, чтобы получить ключ от руки, но закрыла глаза на слип в руке. "Неприятности с мисс Цзян, чтобы стереть отпечаток ноги на бланке."

Цзян Руойин расширила глаза и мгновенно не могла больше контролировать свой гнев. "С чего бы это?"

"Ты испачкала чью-то собственность и не должна быть ответственной за то, чтобы убрать эту штуку, вот и все"? Голос Вэнь Синя был скучным, её милое личико было напряжено холодными, жёсткими линиями, а её доминирующая пара глаз пронзила сердце.

"Это просто проскок, и что, если он грязный - что тут такого." Цзян Руойин была в таком ярости, что слезы у неё на глазах пронзили. Если бы она действительно не имела это в виду, то не было бы ничего плохого в том, чтобы убрать это. Но проблема была в том, что она специально хотела унижить Вэнь Синю, если бы она сейчас дала себе пощечину и убрала отпечаток ноги, разве это не было бы самоинструкцией?

Вэнь Синья стояла там тихо, её молодое и красивое лицо чувствовало себя сильным и решительным. Легким косоглазым взглядом она показала пугающую резкость. "Чтобы испачкать чужое имущество, но не отвечать за его уборку - это учение твоей семьи Цзян?"

Цзян Руойин стиснула зубы в гневе. Однако Цзян Юцянь не смогла больше слушать, так как гневно посмотрела на нее и сказала: "Нет больше никакой пользы от этого проскальзывания". Если ты чувствуешь, что он грязный, ты можешь просто выбросить его - почему ты должен так усложнять Руойину жизнь".

Взгляд Вэнь Синя усилился, так как он наполнился пронзительной суровостью. "Неважно, будет ли от этого проскальзывания польза, выбросить его или нет, зависит от меня. Прежде чем я выброшу его, это моё имущество, я имею право заставить того, кто его испачкал, убрать его".

Цзян Юцянь пожелала, чтобы она разорвала свой болтливый рот на части. Ся Русью уставилась на Вэнь Синю и с сарказмом сказала: "О, я вижу, что кто-то принес ей воздух, как старшей дочери семьи Вэнь. Что такого замечательного в том, что вы говорите о прошлом, семья Цзян ничуть не хуже семьи Вэнь".

Вэнь Синья посмотрел на Ся Раксю, улыбаясь. "Речь идет не о бэкграунде, а о качествах человека и его воспитании." Сказав это, она посмотрела на Цзян Руойин с презрительным и презрительным взглядом. "Не говорите мне, что госпожа Цзян даже не обладает этими основными качествами и воспитанием?"

Цзян Руойин была в таком ярости, что ее трясло. "Какой болтливый язык!"

Тем не менее, Вэнь Синья просто посмотрел ей в глаза холодным взглядом.

Ся Руя поспешила выступить посредником в споре. "Синь...!"

Капелька холода заполнила глаза Вэнь Синя, когда она посмотрела Ся Руйе, край ее губ свернулся в полусмерти, из-за чего у Ся Руя мурашки по коже, как будто она увидела приближающуюся смерть, и она поспешила поправить себя. "Госпожа Вэнь, только что Руойин случайно испачкал ваш пропускной лист - я приношу вам свои извинения от её имени". Если вы не возражаете, я помогу ей убрать вашу ошибку!"

Руки Ся Руйи, спрятанные в рукавах, были плотно свернуты в кулаки, чтобы назвать ее госпожой Вэнь, как будто она ударила ножом в собственное сердце - это было название, которое раньше принадлежало ей. Несмотря на то, что в ее сердце яростно путались ревность и негодование, лицо ее было бледным и нежным, как зарождающийся белый лотос, словно дрожащим вместе с ветром, взывая к чьей-то симпатии.

Видя ее в таком состоянии, Чу Цзиннань также заявил о своем убеждении. "Поскольку госпожа Цзян не имела это в виду, я бы хотела обратиться к госпоже Вэнь, чтобы она дала мне лицо и отпустила этот инцидент!"

Казалось, что резкость в глазах Вэнь Синья почти физически материализовалась, внезапно выстрелив в Чу Цзиннань. "Сколько стоит ваше лицо?" Сказав это, она начала презрительно и насмешливо хихикать. "Ты только что вступила в должность и не можешь дожидаться, чтобы показать свою власть в качестве президента студенческого союза?" Потом она снова обратилась к Цзян Руойин с ледяным и пронзительным взглядом. "Откуда ты знаешь, что она не это имела в виду - не говори мне, что можешь читать мысли людей?"

Каким бы добродушным ни был Чу Цзиннань, перед лицом такой безжалостной критики со стороны Вэнь Синья, его выражение изменилось бесконтрольно.

Тем не менее, у Вэнь Синья не было времени оценить его умение менять лицо. Она посмотрела на Ся Руя и сказала: "Госпожа Ся, не смеете ли вы поклясться небесам, указывая на своё чёрное сердце под белой оболочкой, что Цзян Руойин не хотел испачкать мой бланк? Иначе, пожалуйста, не суй свой нос в чужие дела."

Глаза Ся Руя быстро затуманились, и, нежно моргнув, на ее щеку упала четкая капля слезы, как она крепко прикусила губу, жалко посмотрела на Вэнь Синю, но не смогла произнести ни единого слова.

Такое выражение заставило бы подсознательно вспомнить, какая она деликатная и жалкая, и пренебречь тем, что она ранее говорила по поводу Цзян Руойинь - даже если бы она не

покаялась, никто бы не почувствовал, что она изрыгала глупости, а вместо этого все бы только почувствовали, что Вэнь Синья был властолюбивым.

С таким развитием событий, Цзян Руойин уже оказалась в затруднительном положении, когда было неправильно чистить скользкую поверхность, а также неправильно ее не чистить. Она жалко смотрела на Чжун Руфэна, надеясь, что он заступится за неё.

Однако Чжун Руфэн уже долгое время привлекала резкая, сверкающая искра, излучаемая этой молодой девушкой, и глаза у неё были только с холодным выражением лица, но и с непревзойдённо манящей уравновешенностью.

Вэнь Синья неторопливо прогуливался до Цзян Руойин, протягиваясь через нее, чтобы достать бутылочку с чернилами. "Если ты не хочешь её убирать, как насчёт того, чтобы вежливо ответить взаимностью?"

Цзян Руойин была в такой ярости, что ее губы не переставали дрожать. Она вспомнила, что на вечеринке у Чжоу Тяньюя Вэнь Синья налил на нее красное вино, и поняла, что эта b\*tch способна на все - если бы Вэнь Синья налил на нее чернила на глазах у всех, это было бы еще более унижительно для нее. С зубами и покрасневшими глазами она сказала: "Ладно, я все уберу!".

Вэнь Синю медленно положила бутылку с чернилами в руку и уставилась на нее ледяным, пронзительным взглядом.

Всякий раз, когда ее видели, она была госпожой Цзян, которая кротко и подло смотрела на нее. Ее никогда так не унижали.

Цзян Руойин с яростью и ненавистью протянул дрожащую руку и вытащил кусок салфетки из коробки с салфетками на столе, внезапно сжав руку так сильно, что костяшки пальцев стали зелеными и белыми.

Она сдерживала свои слезы, опасаясь, что если она не сможет контролировать свои собственные слезы от падения на скользкой бумаге перед ней, Вэнь Синья ухватится за еще один шанс унижить ее.

Дрожа, Цзян Руойин передал ей чистый листок.

Вэнь Синья получил квитанцию и, не глядя на нее, порвал квитанцию на двоих перед Цзян Руойинем. В ее ушах раздался шипящий звук, очень четкий и ясный в мертвой тихой комнате, подобно демоническому голосу из ада, уничтожающему барабанную перепонку, пронзающего сознание и вызывающего у человека чувства.

"Ты..." Цзян Руойин расширила глаза и смотрела беспомощно, как кусок бумаги А4

измельчился на кусочки от нее, упал на землю с ее элегантных пальцев, и образовался беспорядок на теплом желтом деревянном полу.

"Помните, человек должен презирать себя, прежде чем другие это сделают!" Она медленно подняла ноги, слегка наступил на беспорядок из измельченной бумаги, повернулся к ней спиной, и отвалился.

Холодный голос Вэнь Синьши пронзил сердце Цзян Руойина, как нож. Ее глаза, покрасневшие от ярости, действия Вэнь Синьши совершенно унизили ее.

<http://tl.rulate.ru/book/26244/1030609>